

Б Е Л А Р У С Ь

Просьба сверять с устным текстом

**Генеральная Ассамблея ООН
72-я сессия**

П.82 «Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят девятой сессии»

Выступление делегации Республики Беларусь

Кластер III

1-2 ноября 2017 г.

VIII. Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)

Уважаемый господин Председатель,

Благодарим Комиссию и специального докладчика, господина Тлади, за работу над темой императивных норм общего международного права и за второй доклад по данной теме.

Несомненна значимость исследуемой темы, учитывая серьезные правовые последствия, которые влечет за собой квалификация нормы в качестве нормы *jus cogens* и сложности, возникающие с осуществлением такой квалификации.

Рассмотрение темы *jus cogens* давно назрело. Роль императивных норм международного права серьезным образом возрастает в контексте толкования международных договоров, в том числе различными судебными инстанциями.

Внесение в данную тематику правовой определенности также будет способствовать минимизации риска злоупотреблений. Мы считаем достаточно тревожной тенденцию, при которой за нормы *jus cogens* в определенных интересах зачастую выдаются нормы международных договоров с ограниченным числом участников либо нормы, якобы, международного обычного права, не подтверждающиеся при этом практикой государств.

Полагаем, что работа над данной темой должна быть согласованной с деятельностью комиссии по выявлению обычных норм международного права, а также по теме «общие принципы права».

В этом же контексте считали бы весьма желательным выработать, хотя бы для целей рассматриваемых выводов, некое рабочее определение «общего международного права».

Мы также разделяем мнение специального докладчика о неправильной судебной практике, при которой используются формулировки «*jus cogens*», «общее международное право», «иерархическое преимущество», «фундаментальные ценности», «международное сообщество в целом» и т.п. без какого-либо пояснения. К сожалению, иногда подобная аргументация судебных учреждений либо позиций государств имеет место в отсутствие четких правовых норм и, по сути, скрывает некоторую произвольность аргументируемых выводов.

Исходя из критериев, приведенных в статье 53 Венской конвенции, мы полагаем, что концепция т.н. региональных императивных норм имеет значение только для тех государств, которые согласились на применение этих норм, что исключает возможность их универсального применения. Вместе с тем, было бы полезным рассмотреть возможные примеры таких норм. Указанные критерии также, по нашему мнению, свидетельствуют в пользу распространения императивных норм международного права на всех его субъектов, включая субъекты с ограниченной международной правоспособностью. В завершение общей части комментариев выражаем надежду на разработку Комиссией методологии выявления

императивных норм, что само по себе будет весьма полезным, как для разработки данной темы, так и для практики.

Что касается комментариев по конкретным выводам Комиссии, то полагаем достаточно перспективным предложение по использованию в **проекте вывода 3** формулировок, использованных в проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния («жизненно важные интересы международного сообщества», «фундаментальный характер» императивной нормы), что позволит избежать дискуссионного «ценностного подхода». Исходим из того, что даже если признать наличие некоего единого перечня таких фундаментальных ценностей, то, как содержание, вкладываемое в понимание каждой отдельной ценности, так и их сравнительная значимость серьезнейшим образом разнятся, что, по всей видимости, имеет характер объективного факта.

Не оспаривая, что нормы *jus cogens* «защищают» и «отражают» основополагающие ценности (интересы), следует особо подчеркнуть, что (как отметил Специальный докладчик Тлади во Втором докладе, п. 18) это является **описательной** характеристикой имеющейся нормы *jus cogens*, а не её **квалифицирующим**, образующим норму признаком.

Оставление возможности иной интерпретации, как предлагает Комиссия в прениях (п. 166), может привести к негативным результатам. С одной стороны, как обращалось внимание некоторыми делегациями (США, <http://undocs.org/ru/A/C.6/71/SR.26>, п. 126), могут иметь место попытки выведения норм *jus cogens* из размытых и нечетких естественно-правовых принципов. С другой стороны, возможна обратная ситуация, когда императивный характер нормы будет оспариваться с использованием практических трудностей, связанных с доказыванием основополагающего значения защищаемой ценности (интереса). В целом такой подход может осложнить квалификацию нормы в качестве нормы *jus cogens*, включив в этот процесс разногласия, сохраняющиеся в отношении концепции «основополагающих ценностей».

Для того чтобы не возникло указанных трудностей, желание Специального докладчика сохранить данную характеристику в тексте проектов выводов должно реализовываться с учетом проведения четкого различия между образующими критериями норм *jus cogens* и их описательными характеристиками. Заявление Специального докладчика о том, что выводы «по своей сути представляют собой смесь нормативных и описательных выводов о состоянии права» (п. 194 доклада КМП), лишь усиливает необходимость проведения четкого, читаемого различия между выводами двух типов в итоговом документе.

В отношении **проекта вывода 7** хотели бы напомнить, что при обсуждении предыдущего доклада некоторые делегации (Вьетнам, <http://undocs.org/ru/A/C.6/71/SR.26> п. 104; Малайзия, там же, п. 78), включая и делегацию Беларуси, обоснованно обозначали неясность соотношения концепции **последовательно возражающего государства** и норм *jus cogens*. В то время как бесспорно, что уже существующие нормы *jus cogens* распространяются на все без исключения государства, не до конца ясен вопрос о роли последовательно возражающего государства в процессе **формирования** нормы *jus cogens*.

Существует несомненная разница между последствиями квалификации нормы в качестве нормы **общего международного права** и ее квалификации в качестве нормы *jus cogens*. Если последовательно возражающее государство не будет связано нормой в первом случае, во втором случае норма окажется ему противопоставимой, учитывая повсеместное распространение норм *jus cogens*. Не должно ли это означать, что само наличие такого государства препятствует «поднятию» нормы до статуса *jus cogens*, учитывая согласительную природу международного права? В таком случае это требует пояснения, учитывая прямое указание в проекте выводов, что не требуется признания и принятия нормы в качестве таковой всеми государствами.

Возможно, Комиссия решила сохранить подход Редакционного комитета Венской конвенции о праве международных договоров. Последний включил слова «сообщества государств в целом» в ст. 53

Конвенции, «для указания того, что никакое отдельно взятое государство не должно иметь права вето» в отношении признания той или иной нормы как нормы *jus cogens* (Второй доклад Специального докладчика Тлади, п. 67). Это означало бы неприменимость концепции последовательно возражающего государства к нормам *jus cogens*. Однако и это требует отдельного пояснения, учитывая отнесение норм *jus cogens* к общему международному праву, подтверждение применимости данной концепции в соответствующих проектах выводов о выявлении международного обычного права и – опять же – согласительную природу международного права.

Если ответ на вопрос о том, препятствует ли наличие последовательно возражающего государства появлению нормы *jus cogens*, отрицателен, мы имеем ситуацию, когда **государство оказывается связано нормой, появившейся не просто без его согласия, но против его явно выраженной воли**. Не противоречит ли это самой природе формирования и функционирования международного права и, в частности, принципу суверенного равенства государств? Такую норму, к тому же, нельзя будет отменить или изменить в обычном порядке.

Если в силу основополагающего значения норм *jus cogens*, с учетом признания государствами положений ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров и/или из соображений системности международного права, действительно в порядке исключения допустима ситуация, когда государство оказывается связано новой нормой международного права, против формирования которой оно возражало, **требования к процессу формирования такой нормы заслуживают особого внимания со стороны Комиссии и должны быть максимально прозрачными**.

Нечетким является оформление **проекта вывода 5** касательно источников норм *jus cogens*.

Во Втором докладе Специального докладчика ясно прослеживалось взаимодействие международного обычного и договорного права и потому видна была ограниченная роль международного договора в этом контексте. Действительно, международный договор может:

- отражать имеющуюся обычную норму;
- способствовать более четкому формулированию («кристаллизации») обычной нормы; или
- стать основой для формирования обычной нормы.

При этом, учитывая универсальное, повсеместное применение норм *jus cogens*, они могут являться лишь частью общего международного права, то есть международного обычая или общих принципов права по смыслу ст. 38 1 (с) Статута Международного Суда ООН.

Исходя из этого, международный договор может либо отражать уже имеющуюся обычную норму международного права *jus cogens* либо содержать норму, которая поднимется до статуса *jus cogens* впоследствии, став частью общего международного права и после признания и принятия ее в таком качестве международным сообществом государств в целом.

Вместе с тем, в предложенном проекте вывода 5 («Договорное положение может отражать норму общего международного права, способную подняться до уровня международно-правовой нормы *jus cogens*») описана лишь вторая ситуация, что неоправданно упрощает и искажает роль международных договоров как источников норм.

Комиссия периодически обращает внимание на необходимость прочтения текстов выводов, которые она формулирует, вместе с комментариями. Действительно комментарии – надлежащее место для разъяснения понятий, разницы применения и т.п. Между тем наличие такой разницы должно быть четко обозначено в самом тексте выводов, потому вызывает обеспокоенность чрезмерная опора на возможность последующего разъяснения тех или иных аспектов выводов в комментариях к ним.

Полагаем желательным унифицировать в **проекте вывода 8** использование терминов «принятие и признание», а также прояснить различие между «принятием» и «признанием».

Это особенно актуально, учитывая замечание Комиссии, изложенное в последнем докладе над темой «Выявление международного обычного права» о том, что субъективный элемент международного обычая предполагает не формальное согласие на обязательность нормы (чему более коррелирует термин «признание»), а правосознание, понимание нормы как обязательной (чему более коррелирует термин «принятие»).

Проект вывода 8 указывает на то, что «принятие и признание» отличается от «признания» (acceptance) в контексте международного обычая и от «признания» (recognition) в контексте общих принципов права (п. 1). Далее (п. 2) уточняется, что норма *jus cogens* «признана [accepted] в качестве правовой нормы» и «принимается [accepted]... как норма, отклонение от которой недопустимо».

Таким образом, перевод доклада Комиссии на русский язык предполагает, что «признание» относится к признанию нормы в качестве нормы, а «принятие» – к особому характеру данной нормы. Однако ни англоязычная, ни версия доклада на французском языке, это соображение не подтверждает, поскольку в обеих версиях в п. 2 проекта вывода 8 используется термин «принятие» (accepted).

Мы также поддерживаем комментарии **к выводу 9**, в соответствии с которыми как последовательное осуждение определенных действий, так и единогласное принятие резолюций в международных организациях могут служить свидетельством наличия императивной нормы международного права, на которой такие действия основываются. При этом мы исходим из того, что резолюции и заявления в международных организациях не могут являться источниками норм права, в том числе императивных, однако могут быть полезны в выявлении таких норм.

В этой связи поддерживаем тех членов Комиссии, которые в прениях обратили внимание, что «неверно утверждать, что решения судов и трибуналов являются свидетельством признания нормы в качестве *jus cogens*, поскольку они существуют как вспомогательное средство для идентификации норм *jus cogens*» (п. 178 доклада Комиссии).

Следовательно, формулировка Проекта вывода 9 (п. 3 и 4) требует соответствующего уточнения, поскольку решения и постановления международных судов и трибуналов не являются выражением отношения государств, принятие и признание со стороны которых необходимо для приобретения нормой статуса *jus cogens*.

Кроме того, мы считаем важным и полезным указание в выводах конкретных характеристик императивных норм, что будет способствовать их выявлению. Не видим серьезных препятствий и для признания невозможности изменения (кроме как другой императивной нормой) в качестве одного из критериев императивной нормы.

IX. Правопреемство государств в отношении ответственности государств

Уважаемый господин Председатель,

Поздравляем господина Павла Штурму с назначением специальным докладчиком по теме правопреемства государств в отношении ответственности государств и желаем ему успехов в исследовании этой крайне непростой темы.

Поддерживаем основную цель этой работы, обозначенную как выявление норм международного права, регулирующих в контексте правопреемства как передачу обязательств, так и передачу прав, вытекающих из ответственности государств за международно-противоправные деяния. Мы также полагаем, что соображения последовательности и согласованности в работе Комиссии свидетельствуют в пользу придания результату этой работы формата проекта статей с комментариями.

С методологической точки зрения мы исходим из необходимости максимально возможного анализа существующей практики в этом вопросе, хотя и склонны уже на данном этапе поддержать вывод специального докладчика о том, что в международном праве вряд ли существует общая презумпция отсутствия правопреемства в отношении ответственности государств. По нашему мнению, о таковой можно было бы в принципе рассуждать в контексте деколонизации (принцип *tabula rasa*), а не в современной обстановке. Принцип полного отказа государства-правопреемника от обязательств, вытекающих из противоправных деяний государства-предшественника, не вполне соотносится с принципом верховенства права в международных отношениях, а также, гипотетически, может повлечь за собой и отказ других государств, в особенности пострадавших от противоправных действий, от своих обязательств в отношении государства-преемника. Кроме того, правопреемство в отношении международно-правовой ответственности следовало бы соотносить с правами и благами, получаемыми государством-правопреемником в результате правопреемства.

Мы не исключаем и приветствуем исследование данного вопроса также в применении к международным организациям, в том числе – в контексте ответственности государств-членов за действия международной организации, прекратившей свое существование.

Кроме того, весьма непростой задачей представляется и выявление какой-либо тенденции в этой сфере, в связи с чем работа Комиссии, по всей вероятности, будет в большей степени направлена на прогрессивное развитие международного права.

В этой связи представляется, что результатом работы Комиссии по данной теме должны стать нормы, действующие в отсутствие специальной договоренности между государством-предшественником и государством-правопреемником. Такая договоренность может основываться на разработанных Комиссией нормах и модифицироваться заинтересованными субъектами.

Как представляется, наряду с анализом международной практики, не лишним будет и изучить, насколько в рассматриваемой ситуации могут быть применимы аналогии из национального права (например, цессия, подход к наследованию, предполагающий по умолчанию принятие как имущества, так и его обременений, долгов, ответственность за нанесение ущерба и т.п.). Следует также отметить, что на практике готовность государства-правопреемника принять на себя обязательства государства-предшественника таким образом, чтобы в минимальной степени нарушить систему международных прав и обязательств, является одним из критериев, учитываемых при рассмотрении вопроса о признании такого государства. При этом мы исходим из отсутствия универсальных правил в этой сфере.

Также полагаем, что на определенном этапе работы потребуется категоризация международно-противоправных деяний с возможным выявлением тех из них, правопреемство в отношении которых не представляется возможным в силу их неотъемлемой «персональной» связи с государством-предшественником.

В отношении конкретных представленных специальным докладчиком проектов статей сообщаем следующее.

Мы поддерживаем мнение тех членов Комиссии, которые предложили конкретизировать охват проекта статей (проект статьи 1) за счет формулировки «правопреемство в отношении прав и обязательств, вытекающих из международно-противоправного деяния». Полагаем, что такая конкретизация облегчит дальнейшую работу по проекту. Что же касается исследования ситуаций правопреемства правительств, в том числе ситуаций законного либо незаконного по международному праву правопреемства, то наша делегация, несомненно, приветствовала бы исследование этой темы как весьма актуальной, при понимании всей сложности и деликатности такой задачи.

Мы считаем целесообразным предусмотреть определение основных терминов, используемых в проекте статей, в проекте статьи 2.

Наша делегация просила бы пояснить логику, положенную в основу пунктов 1 и 2 проекта статьи 3. Как представляется, соглашение о правопреемстве является наиболее юридически корректным и, следовательно, желательным вариантом действий соответствующих государств. Мы полагаем, что к соглашению о правопреемстве по общему правилу должны применяться нормы, содержащиеся в разделе 4 (Договоры и третьи государства) Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. В этой связи полагаем, что, по меньшей мере, пункт 1 данного проекта статьи нуждается в определенной корректировке с тем пониманием, что обязательства государства-предшественника переходят к государству-правопреемнику по соглашению о правопреемстве в отсутствие возражений государств, являющихся бенефициарами корреспондирующих прав. Представляется, таким образом, что в пункте 4 данного проекта статьи следует говорить о том, что соглашения о правопреемстве в принципе регулируются статьями 34-36 Венской конвенции 1969 года при понимании специфики их правовой природы и субъектного состава.

Мы поддерживаем предложенный специальным докладчиком проект статьи 4, хотя, по нашему мнению, формулировки пункта 2 следовало бы несколько упростить с редакционной точки зрения. Кроме того, полагаем уместным привести в комментарии к данному проекту статьи ссылку на результаты работы Комиссии по тематике односторонних актов государств для системного понимания и применения проекта данной статьи.

Х. Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами

Уважаемый господин Председатель,

Наша делегация выражает благодарность г-же Мари Якобссон за ее вклад в разработку данной темы и приветствует назначение г-жи Марьи Лехто специальным докладчиком. Желаем ей успехов.